

УДК 321

Политический платонизм императора Юлиана

Дугина Дарья Александровна

Аспирант,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: platonova@geopolitica.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается реализация политической философии неоплатонизма императором Флавием Клавдием Юлианом. Его правление было не попыткой восстановления или реставрации язычества, но совершенно новой метафизической и религиозной топикой, которая не сочеталась ни с христианством, еще не обретшим прочную политическую платформу, ни с язычеством, стремительно теряющим свою былую силу. Центральная категория политической философии Юлиана – идея «посредника», «Царя-Солнца», который воплощает в себе метафизически необходимую для мира фигуру и функцию, подобную платоновскому «правителю-философу», связывающему мир умопостигаемый и материальный. Следуя платоническому принципу гомологии метафизического и политического, Юлиан видит в Гелиосе как элемент мировой иерархии, обеспечивающий связь между умопостигаемым и материальным миром, так и политическую фигуру Правителя, Царя, который в политической философии Юлиана становится транслятором идей в непросвещенный, отдаленный от Единого мир. Главной целью этой работы является реконструкция политической философии императора Юлиана и поиск ее места в ландшафте неоплатонического учения. Недолгое, но очень яркое правление Юлиана стало попыткой построения вселенского Платонополиса, выстроенного на основании принципов платоновского «Государства». Многие принципы, развитые в политической философии Юлиана, в конце концов, впитает в себя христианство, придя на смену разрушившемуся зданию античности.

Для цитирования в научных исследованиях

Дугина Д.А. Политический платонизм императора Юлиана // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 2А. С. 32-38.

Ключевые слова

Политический платонизм, неоплатонизм, юлианизм, император Юлиан, поздний платонизм, политическая философия неоплатонизма, пергамский платонизм.

Введение

Историки позднего платонизма часто придерживаются подхода, согласно которому неоплатонизм якобы не включает в сферу своих интересов политическую плоскость и ориентирован исключительно созерцательно, сосредоточившись на апофатическом Едином (Ἐν), иерархии эманаций и теургических практиках. Такой точки зрения придерживается, в частности, немецкий историк платонизма Эрхардт [Ehrhardt, 1953]. Данная позиция, неоднократно подвергавшаяся критике в работе Доминика О’Миры «Платонополис: платоническая политическая философия поздней античности» [O’Meara, 2003], может быть поставлена под сомнения, и одним из решающих аргументов в этом вопросе может выступать случай Императора Юлиана (331 или 332-363), не только предложивший развитую версию неоплатонической политической теории, но и сделавший ряд решительных шагов в деле ее практического применения для управления империей.

Основная часть

Император Флавий Клавдий Юлиан, представитель Пергамской школы нео-платонизма, являет собой образ платоника, не просто размышлявшего о необходимости для философа заниматься политикой (быть правителем), но и бывшего на протяжении непродолжительного, но очень яркого периода императором Римской империи, императором, воплотившим в своей фигуре политический проект платоновского идеального Государства. Редким было такое сочетание высокого почтения созерцательной жизни с политическим служением (в истории философов-правителей было очень мало – один из них – Марк Аврелий, мыслитель, во многом вдохновлявший и Юлиана). «Мечтатели такого стиля редко встречаются среди принцев: вот почему мы должны уважать его [императора Юлиана],» [Duguu, 1883] – замечает французский историк Виктор Дюрюи. Ярким отличием от его предшественников станет самая настоящая одержимость философией, высшим проявлением которой было, в глазах самого Юлиана, неоплатоническое учение. Молодой император особенно был заворожен Ямвлихом (245/280-325/330), представителем Сирийской школы неоплатонизма. Пергамская школа, где обучался сам Юлиан, была своего рода филиалом Сирийской, и Ямвлих считался в ней непререкаемым авторитетом.

Именно Ямвлих для Юлиана был образцом «мистического и совершенного» [Юлиан, 2016], а в его сочинениях он находил «совершенную мудрость, которую только в силах открыть человек». Однако, биограф Юлиана Жак Бенуа-Мешен [Бенуа-Мешен, 2001] замечает, что Юлиан не просто внемлет и воспроизводит учение Ямвлиха, но дополняет и развивает его, разрабатывая доктрину срединного элемента («промежуточного мира»), Царя-Солнца (в трех ипостасях), тем самым детализируя метафизический ландшафт неоплатонической философии.

Высшей ипостасью Солнца было апофатическое Солнце, тождественное Единому (Ἐν) Плотина. Средним Солнцем был метафизический Свет, соединяющий умопостигаемые (ноэтические) миры с космосом. И наконец, третья ипостась Солнца было солнце видимого телесного мира, которое представляло собой нижний предел эманаций абсолютного начала.

Для Юлиана вопрос связи между умопостигаемым и материальным миром (то есть проблема «среднего Солнца») становится основным. И ответ на него он ищет одновременно и в онтологическом, и в политическом плане. Для него, как и для любого платоника, политическая и онтологическая плоскости взаимосвязаны и гомологичны. Посредник, Гелиос для Юлиана является одновременно и метафизической, и политической фигурой, Царем (в отношении

Солнца Юлиан использует существительные – βασιλεύς - царь, κύριος- господин, и глаголы ἐπιτροπεύω – быть опекуном, управляющим и ἡγεύμαι – управлять, руководить, идти впереди). Параллели между Гелиосом и фигурой правителя пронизывают весь гимн «К Царю Солнцу». Например: «Планеты ведут вокруг него [Гелиоса] хоровод, держась дистанции, словно вокруг своего царя» [Юлиан, 2016]. Подобно тому, как Гелиос – Бог Солнца выступает транслятором идей в чувственный мир, Император-философ является спутником, провожатым Царя Солнца. Именно «спутником» (ὄπῳδος) называет Юлиан в начале гимна и самого себя [там же]. Каждому правителю, отмечает Юлиан в трактате «О деяниях Самодержца и о Царстве», подобает быть «служителем и прорицателем Царя Богов [Гелиоса]» [там же]. Также от Царя Солнца мудрость и знание, а также сущность, перенимает богиня-покровительница полисов и государств Афина: ее мудрость, которая проистекает от Гелиоса, «есть основа политического общения» [там же]. В концепции Юлиана Гелиос оказывается и основателем Рима: Юлиан проводит в доказательство легенду, согласно которой душа Ромула сошла на землю с Солнца: «близкое схождение Гелиоса и Селены <...> сделало возможным нисхождение его души на землю и вознесение его от земли после уничтожения смертной части его тела огнем молнии» [там же].

Единство метафизически понятого Света, символизируемого Гелиосом, пронизывает всю систему философии Юлиана. Согласно неоплатоническому представлению единство всегда апофатично, и достичь его можно только по касательной. Высшая форма единения доступна через генаду, сопричастность Единому. Поэтому космос как бы собирается, тяготея к Единому, но никогда не достигая его. Также и высшая ипостась Царя Солнца у Юлиана апофатична. Природа Света берет свое начало в этой апофатической тьме невидимого Солнца и оттуда пронизывает все остальные уровни мироздания. Государство, понятое как Империя, то есть собирание множества народов к единству, представляет собой генаду. Это не само единство и не сам Свет, но воля к нему, движение в его сторону. И подобно тому, как душа или сущность царя нисходит из высших сфер, так и само царство стремится к царю, как своему источнику, который сообщает политике генадическую благодать.

Юлиан поставил перед собой практически невыполнимую задачу реализовать платонический идеал царя-философа в контексте реальной Римской империи IV века, в условиях обретающего все большую силу и влияние христианства, стать «спутником» Солнца, который будет гарантом справедливости (δικαιοσύνη). «Главной его движущей силой было чувство ответственности, столь же сильное, как у философа на троне Марка Аврелия, которого философ боготворил» [Залинский, 2016].

За полтора года императорского правления (а ранее несколько лет будучи цезарем в Галлии) Юлиан, руководствуясь принципами платоновского государства (как справедливо отметил Волтер Хайд, «Юлиан претворял платоновскую теорию в практику» [Hyde, 1843]), попытался привести в согласие политическое устройство с философским идеалом, заданном в платонической философской традиции [Athanassiadi, 1981], и ему это отчасти удалось.

Успешный политик он проявляет себя и как одаренный полководец (яркие победы в Галлии над германцами, эффективное командование армией, вплоть до самой смерти – до последней битвы с персами, в которой император был убит), и как радикальный реформатор языческой веры, теряющей силу из-за наступления новой, еще с размытыми контурами, христианской религии (на тот момент она была раздроблена бесчисленными толками, бурно полемизирующими друг с другом). Юлиан был не просто секулярным правителем, но попытался воплотить в себе идеальный образ царя-философа в его онтологическом – панкосмическом – понимании – в строгом соответствии с символическими закономерностями неоплатонизма. Объявленная Юлианом веротерпимость также основывалась на глубинных философских убеждениях. Это не было простым отвержением христианизации Империи в

пользу секулярности и даже не было заменой одной религии на другую. Согласно мысли Юлиана, вера, религия, авторитет – область мнений ($\delta\acute{o}\xi\alpha$) – должна быть подчинена высшему принципу – Царю Вселенной, «тому, кто вокруг Кого есть все». Но это подчинение не могло быть формальным, поскольку вся иерархическая структура властвующего начала – Царя Солнца – была открытой сверху, то есть генадической. В структуре неоплатонической философии можно быть уверенным лишь в движении к Единому, но не в самом Едином, которое недостижимо. Следовательно, политическая модель Юлиана представляла собой принцип «открытой Империи», где императивом было стремление к мудрости, но не сама мудрость, поскольку в конечном счете она не могла быть воплощена в каком-то одном наборе догматов – не только в христианском, но и в языческом. Но вывод из этой открытости был обратным секулярным тенденциям Нового времени: сакральность и принцип Света должны править и в этом состоит императив политической философии Юлиана, но это правление не может быть зафиксировано в неизменных законах. Смысл Света в том, что он жив. И также жива должна быть открытая Империя и ее правитель. Здесь само понятие философии восстанавливает свой глубинный смысл. Философия — это любовь к мудрости, движение к ней. Это поиск Света, служение Царю Солнцу, сопутствие ему. Но если придать этой мудрости формализованный характер, мы будем иметь дело не с философией, а с софизмом. Что, видимо, отталкивало Юлиана в христианстве. Замыкаясь в строгих догматах, генадичность открытой Империи сменялась на отчужденный кодекс, и тем самым Империя закрывалась сверху, утрачивая свою тотальную сакральность в пользу только одной из возможных версий религии. Область мнений ($\delta\acute{o}\xi\alpha$) – заведомо сфера относительного, контингентного. Она должна быть ориентирована в сторону Солнца, в этом случае мнение станет ортодоксией ($\text{ortho-}\delta\acute{o}\xi\iota\alpha$), «правильным мнением», но все же – только лишь мнением.

Интересен в судьбе Юлиана тот факт, что он не обладал особым стремлением получить власть, его занимала прежде всего философия и приводили в изумления ритуалы теургического толка. Юлиан в первую очередь был философом, и только в силу неизбежности, рока, предзнаменования и пути, избранным ему Гелиосом – правителем. В «Надгробной речи Юлиану» Либаний замечает: «стремился он не к господству, а к благоденствию городов» [Либаний, 2014], а ранее ритор отмечает, что будь во времена Юлиана иной кандидат на трон, который мог бы возродить эллинизм, Юлиан «настойчиво бы уклонялся от власти». Юлиан был философом, приговоренным Проведением к спуску, к эманации, поэтому его миссия носила демиургический и сотериологический характер. Он был обречен стать правителем в силу своей философской природы, спутником Солнца.

«Срединность» Солнца, о которой мы писали выше, его предводительство соответствует положению Царя-Философа в идеальном государстве. Подобно Гелиосу, в своей демиургической деятельности порождающему или украшающему многие эйдосы («ведь одни эйдосы Он усовершенствовал, другие – произвел, иные – украсил, иные – пробудил [к жизни и самобытию], так что нет ни одной вещи, которая вне демиургической силы, исходящей от Гелиоса могла бы появиться на свет или прийти к рождению» [Юлиан, 2016]), философ-правитель придает сословиям должное очертание. Он, «срединный», является проводником подлинного знания о тайной природе вещей и устройтеlem порядка на основании этого подлинного знания. Гелиос связывается Юлианом и с Аполлоном¹, учредившем по всей земле

---

¹ В «Государстве» Платона Аполлон также занимает центральное место: именно он признается в четвертой книге единственно верным законодателем. Законы идеального государства, по мнению Сократа, должны быть не установлены на основании «уж ранее имевшихся навыков» или на основании чей-то единичной воли, но на

оракулы, чтобы дать людям боговдохновенную истину. Гелиос-Аполлон полагается императором и как прародитель римского народа, что добавляет в политическое учение Юлиана тезис о «богоизбранности» римлян.

Гелиос-Зевс также выступает носителем царского начала. И даже бог ночных мистерий Дионис, становящийся у Юлиана еще одним воплощением Солнца, Гелиосом-Дионисом, трактуется как продолжение того же властного принципа в глубь телесных миров. Зевс, Аполлон и Дионис, по Юлиану, отмечают три момента политической демиургии совершенного правителя. Как Зевс он управляет миром. Как Аполлон пишет законы и следит за соблюдением сакральной вертикали к солярной Империи. Как Дионис он покровительствует религиям, культам и искусствам, а также надзирает над мистериями и упорядочивает литургии.

Существуют некоторые свидетельства о том, что образ Солнца-медиатора настолько впечатлял императора, что он при реформировании армии заменил христианскую надпись на имперской хоругви «Сим победиши» на митраистское посвящение «Непобедимого солнцу». Очевидно, что образ Митры здесь берется как философская метафора, а не как признак того, что именно митраизм вдохновлял религиозно-политические реформы Юлиана. Sol Invictus – это тот же Царь Гелиос в его обобщающей изначальной природе. Он мог бы выступать как общий знаменатель различных религиозных образов – в духе неоплатонического синтеза или того, что позднее неоплатоник Прокл назовет «Платоновской теологией» [Прокл, 2001].

В случае этой замены In hoc signo vinci на Sol Invictus, которую подчас трактуют как ярчайший пример «языческой реставрации», можно увидеть и нечто иное: не смену одного культа другим, но обращение к философскому истоку, общему для различных религий и вер. Подобно тому, как Империя собирает народы и царство, так и полноценная имперская сакральность возводит к генадическому истоку все частные формы. В конце концов, крест – это тоже солярный символ, и на имперской хоругви он был тесно связан с эпизодом военной победы и политическим расцветом Рима при Константине.

Заключение

Эпоха Юлиана была попыткой построения вселенской Империи-Платонополиса: как подлинный платоник, он пытается охватить и реформировать все области – и религиозную² (введение обряда покаяния, благотворительность, придание Юлианом формальным языческим культам этического характера, эдикт о веротерпимости), и сферу дворцовой жизни (рационализация придворного штата, приглашение знатных философов, ораторов, жрецов ко двору, возвращение бывшего статуса и силы Сенату), и финансовую (восстановление городского самоуправления, передача права муниципалитетам собирать налоги в пользу городов). Но ход

основании трансцендентного, божественного принципа. Так, законы в государстве могут быть поняты как дельфийские пророчества, монополией на толкования, которых в картине идеального государства будет обладать Царь-философ.

² Языческая религия в IV веке была существенно ослаблена. Зелинский в работе «Римская империя» отмечает, что во времена Юлиана «вид главного в античном мире храма, храма Аполлона в Дельфах вызывал Уныние». «Юлиан, желая услышать голос дельфийских оракулов, послал туда своих теургов, последняя Пифия оказалась достойной своих предшественниц. Грустно звучал ответ:

Весть отнесите владыке: от храма остались руины,
Феб не хозяин святыни и лавра пророков лишился,

Высох родник вдохновенья, Кастальские струи умолкли» (Цит. по: *Зелинский Ф.Ф.* Римская империя. Указ. соч. С.425).

истории уже был предопределен. Христианство, впитывая определенные элементы эллинизма (в частности, включив себя учение о царстве платонизма и усвоив лучшие элементы неоплатонической мистики и богословия), необратимо сносит обветшавшее здание античности.

Историк Инге замечает, что Юлиан «был консерватором тогда, когда уже не осталось ничего для сохранения» [Inge, 1900]. Час Юлиана пробил, а в мир пришел новый правитель. Отныне имперская сакральность и метафизическая миссия Императора трактовалась в узкохристианском контексте – как фигура катехона (κατέχων), «удерживающего», семантика которого определялась структурой христианской эсхатологии, где православный Император, в толковании Иоанна Златоустого, рассматривался как главное препятствие для прихода Антихриста. Но и в этой концепции «катехона» можно увидеть далекие отголоски политической онтологии Царя-Солнца, поскольку в византизме Империя также становится метафизическим явлением и тем самым приобретает философский характер. Однако отныне речь идет о существенно редуцированной версии политического платонизма, более частной и догматически определенной, чем вселенский размах политической философии Юлиана.

Библиография

1. Бенуа-Мешен Ж. Юлиан Отступник. М.: Молодая гвардия, 2001. 74 с.
2. Зелинский Ф.Ф. Римская империя. СПб.: Алетейя, 2016. 488 с.
3. Либаний. Речи. СПб.: Квадривиум, 2014. Том I. 760 с.
4. Прокл. Платоновская теология. СПб.: Летний сад, 2001. 624 с.
5. Юлиан. Полное собрание творений. СПб.: Квадривиум, 2016. 1088 с.
6. Athanassiadi P. Julian: An Intellectual Biography. Oxford: Clarendon Press, 1981. 245 p.
7. Bowersock G. Julian the Apostate. London, 1978. 152 p.
8. Duruy V. Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France // Revue des Études Grecques. 1883. Vol. 17. P. 319-323.
9. Ehrhardt A. The Political Philosophy of Neo-Platonism // Mélanges V. Arangio-Ruiz. Naples, 1953.
10. Gardner A. Julian Philosopher and Emperor and the Last Struggle of Paganism Against Christianity. London: G.P. Putnam's Son, 1895. 464 p.
11. Hyde W. Emperor Julian // The classical weekly. 1843. Vol. 37. № 3.
12. Inge W.R. The Permanent Influence of Neoplatonism upon Christianity // The American Journal of Theology. 1900. Vol. 4. No. 2.
13. O'Meara D.J. Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Oxford: Clarendon Press, 2003. 264 p.
14. Veyne P. L'Empire Gréco-Romain. Paris: Seuil, 2005. 876 p.

The political Platonism of the Emperor Julian

Dar'ya A. Dugina

Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: platonova@geopolitica.ru

Abstract

This article examines the Emperor Julian's implementation of the political philosophy of Neoplatonism to the reality. His reign was not an attempt to restore or restore paganism, but a completely new metaphysical and religious era that couldn't be combined either with Christianity,

which had not yet found a stable political platform, or with paganism, which was losing rapidly its former strength. The central category of political philosophy of Julian is the idea of an "intermediary", "King of the Sun", which embodies the metaphysically necessary world figure and function, similar to the Platonic "ruler/king-philosopher", who is responsible for the connection of the intelligible and the material worlds. Following the platonic principle of the homology of the metaphysical and political, Julian sees Helios not only as the element of the world hierarchy, which provides a link between the intelligible and the material world, but also as a political figure of the King, who in the political philosophy of Julian plays a role of the translator of ideas into the unenlightened, distanced from 'Good/One' World. The main goal of this work is the reconstruction of the political philosophy of Emperor Julian and the search for its place in the landscape of the Neoplatonic doctrine. The short, but very bright period of reign of Julian was an attempt to build the universal Platonopolis, built on the principles of the Platonic "Republic". Many of the principles developed in the political philosophy of Julian was eventually absorbed by Christianity.

For citation

Dugina D.A. (2018) Politicheskii platonizm imperatora Yuliana [The political Platonism of the Emperor Julian]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (2A), pp. 32-38.

Keywords

Political Platonism, Neoplatonism, Emperor Julian, late Platonism, political philosophy of Neoplatonism.

References

1. Athanassiadi P. (1981) *Julian: An Intellectual Biography*. Oxford: Clarendon Press.
2. Benoit-Meschen J. (2001) *Yulian Otstupnik* [Julian the Apostate]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
3. Bowersock G. (1978) *Julian the Apostate*. London.
4. Duruy V. (1883) Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France. *Revue des Études Grecques*, 17, pp. 319-323.
5. Ehrhardt A. (1953) The Political Philosophy of Neo-Platonism. In: Mélanges V. Arangio-Ruiz. Naples.
6. Gardner A. (1895) *Julian Philosopher and Emperor and the Last Struggle of Paganism Against Christianity*. London: G.P. Putnam's Son.
7. Hyde W. (1843) Emperor Julian. *The classical weekly*, 37, 3.
8. Inge W.R. (1900) The Permanent Influence of Neoplatonism upon Christianity. *The American Journal of Theology*, 4, 2.
9. Julian (2016) *Polnoe sobranie tvorenii* [Full collection of works]. St. Petersburg: Kvadrivium Publ.
10. Libanius (2014) *Rechi* [Speeches]. St. Petersburg: Kvadrivium Publ. Vol. 1.
11. O'Meara D.J. (2003) *Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity*. Oxford: Clarendon Press.
12. Proclus (2001) *Platonovskaya teologiya* [Platonic Theology]. St. Petersburg: Letnii sad Publ.
13. Veyne P. (2005) *L'Empire Gréco-Romain*. Paris: Seuil.
14. Zelinskii F.F. (2016) *Rimskaya imperiya* [Roman Empire]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.